

Библия говорит сегодня

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Джон Р. У. Стотт

С пособием по изучению

Библия говорит сегодня

Джон Стотт

**Нагорная проповедь.
Христианская контркультура**

ХЦ «МИРТ»

1984

ББК 86.37

Стотт Д. Р.

Нагорная проповедь. Христианская контркультура / Д. Р. Стотт —
ХЦ «МИРТ», 1984 — (Библия говорит сегодня)

ISBN 5-88869-167-4

Автор этой книги попытался по возможности полно рассмотреть проблемы, которые Нагорная проповедь поднимает перед современными христианами. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

ББК 86.37

ISBN 5-88869-167-4

© Стотт Д. Р., 1984
© ХЦ «МИРТ», 1984

Содержание

Общее предисловие	6
Предисловие автора	7
Мф. 5:1,2	8
1. Подлинна ли Проповедь?	12
2. Актуальна ли Проповедь сегодня?	14
3. Применима ли Проповедь на практике?	16
Мф. 5:3–12	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джон Р. У. Стотт

Нагорная проповедь.

Христианская контркультура

John R. W. Stott

The Message of the Sermon on the Mount

На английском языке книга впервые была издана в 1984 г. издательством Inter-Varsity Press, Leicester, United Kingdom, которое является подразделением Международного сообщества студентов-христиан (IFES), объединяющего группы верующих студентов более чем из ста стран мира.

Перевод с английского

3-е издание, переработанное

Main text © John R. W. Stott 1978

Study guide © Inter-Varsity Press 1988

© Издание на русском языке. МРОЕХ «ХЦ «Мирт», 1996

© Перевод на русский язык, оформление. МРОЕХ «ХЦ «Мирт», 2004

Общее предисловие

«Библия говорит сегодня» представляет нам серию книг, посвященных Ветхому и Новому Заветам. Авторы этих книг ставят перед собой три задачи: дать точное изложение и разъяснение библейского текста, связать его с современной жизнью и сделать это так, чтобы читателю было интересно.

Эти книги, следовательно, не являются комментариями, ибо цель комментариев – скорее прояснить текст, чем способствовать его применению. Они больше похожи на справочники, чем на литературные произведения. С другой стороны, нет здесь и чего-то вроде «проповедей», когда пытаются говорить интересно и в духе времени, но без достаточно серьезного отношения к Писанию.

Все, работавшие над серией, едины в убеждении, что Бог по-прежнему говорит с нами через Библию, и нет ничего более необходимого для жизни, здоровья и духовного роста христиан, чем умение чутко внимать тому, что говорит им Дух через Свое древнее – и вечно юное – Слово.

Дж. А. МОТИЕР

Дж. Р. У. СТОТТ

Редакторы серии

Предисловие автора

Нагорная проповедь необычайно привлекательна. Она, как мне кажется, представляет собой квинтэссенцию учения Иисуса. Делает добро притягательным. Постыжает низость нашего поведения. Воспламеняет мечты о лучшем мире.

Как не без небольшого простительного преувеличения сказал в своей проповеди во время Великого поста 1629 г. Джон Дон, «все статьи нашей религии, все каноны нашей церкви, все предписания наших правителей, все проповеди отцов наших, все богословие – в этих трех главах, в этой одной Нагорной проповеди»¹.

Должен признаться, я и сам попал под ее обаяние или, скорее, – под обаяние Того, Кто это произносил. Ибо я постоянно размышлял над ней, по крайней мере, в течение последних семи лет. В результате я обнаружил ум свой, сражающийся с ее проблемами, и сердце, воспаленное благородством ее идеалов. В этот период я пытался делиться своими мыслями и своей увлеченностью со студентами Кембриджского университета, с другими студентами Соединенных Штатов и Канады, с прихожанами церкви Всех Душ и с тысячами всевозможных паломников, явившихся со всего мира на Кесуикский съезд 1972 г.

На Нагорную проповедь написаны сотни комментариев. Мне довелось изучить двадцать пять из них, и моя признательность комментаторам будет ясна читателю. Текст мой обильно уснащен цитатами из этих текстов, ибо думается, что мы должны были бы ценить традицию выше, нежели мы часто делаем это, и более смиренно сидеть у ног учителей.

Целью моего исследования, в соответствии с задачами всей серии «Библия говорит сегодня», было желание внимательно «вслушаться» в текст. Прежде всего, я хотел дать ему возможность «говорить» или, лучше сказать, – дать возможность Христу снова произнести свою проповедь, обратившись на этот раз к современному миру. Так, я пытался по возможности полно рассмотреть проблемы, которые проповедь поднимает перед современными христианами. Ибо Иисус дал нам не академическое исследование, рассчитанное лишь на стимуляцию ума. Я верю, Он предполагал, что Его Нагорная проповедь будет воспринята как руководство к действию. Действительно, если бы церковь взяла за основу своей жизни нормы и ценности, изложенные там, она стала бы альтернативным обществом (а именно это и предполагал Иисус Христос) и несла бы миру подлинную христианскую контркультуру.

Я крайне признателен Джону Мейлу, лектору по Новому Завету в Сперджен-колледже в Лондоне, за чтение рукописи и некоторые полезные предложения, а также Фрэнсису Уайтхеду и Вивьен Карри за ее опубликование.

Джон Р. У. Стотт

---

¹ Quoted by McArthur, p. 12.

Мф. 5:1,2

Введение: в чем суть этой Проповеди?

Нагорная проповедь, вероятно, является наиболее известной частью учения Иисуса, хотя, по-видимому, наименее понятой и уж наверняка труднее всего выполнимой. В этой проповеди Иисус очень точно выразил то, что Он ждет от Своих последователей: какими они должны быть и что им следует делать.

Мне кажется, что выражение «христианская контркультура» предельно ясно отражает Его намерение и четко определяет Его вызов современному миру. Давайте объясню почему.

Годы, последовавшие за окончанием Второй мировой войны в 1945 г., были отмечены наивным идеализмом. Жуткий кошмар был позади. «Восстановление» стало всеобщей целью. Шесть лет разрушения и уничтожения принадлежали прошлому; задача же состояла отныне в построении нового общества, основанного на сотрудничестве и мире. Однако разочарование всегда идет рука об руку с идеализмом – разочарование не разделяющих идеала, или (хуже) противостоящих ему, или (еще хуже) его преследующих. Разочарование в том, что *есть*, подкармливало идеализм того, что *могло бы быть*.

Мы проходили, кажется, через десятилетия разочарования. Каждое новое поколение было недовольно миром, который достался ему в наследство. Иногда реакция была наивна, но искренна. Так, например, те, кто приносил цветы и расписывал плакат «Любите, а не воюйте», не смогли положить конец ужасам Вьетнама, хотя их протест и не остался незамеченным. Иные сегодня отвергают чрезмерное западное изобилие (которое, сдается, только разрастается за счет загрязнения окружающей среды, эксплуатации развивающихся народов или за счет того и другого одновременно) и демонстрируют свой протест тем, что живут просто, одеваются скромно, ходят босиком и избегают избытка. Вместо подделок буржуазного общества они ищут подлинных взаимоотношений любви. Им чужда поверхностность как нерелигиозного материализма, так и религиозного конформизма, ибо они чувствуют, что существует некая «реальность», гораздо большая, нежели эти банальности, и они ищут это ускользающее «трансцендентное» измерение в медитации, наркотиках и сексе. Они испытывают отвращение к общепринятому представлению о жизни как о гонках и за большую честь почитают устранение, нежели участие. Все это – симптомы неспособности младшего поколения приспособиться к статус-кво и акклиматизироваться в господствующей культуре. Они не дома. Отчуждены.

В поисках альтернативы они используют термин «контркультура». Этот термин включает в себя широкий набор идей и идеалов, опытов и целей².

Христиане считают эти поиски альтернативной культуры одним из наиболее обнадеживающих, даже волнующих знамений времени. Ибо мы узнаем в этом действие того Духа, Который, перед тем как стать Утешителем, сначала вызывает волнение, и мы знаем, к Кому приведет их этот поиск, если он только найдет свое завершение. Знаменательно и то, что Теодор Рошак, подыскивая слова для выражения реальности, которую ищет современная молодежь, и стараясь быть *объективным*, чувствует себя обязанным опереться на слова Иисуса: «Что в том человеку, который приобретет весь мир, а душе своей повредит?»³

Однако наряду с надеждой, возникшей у христиан в связи с подобным проявлением протеста и поиска, также присутствует (или должно бы присутствовать) чувство стыда. Ибо если сегодняшняя молодежь ищет истинных вещей – смысла жизни, мира, любви, реальности, – то

---

² Theodore Roszak, *The Making of a Counter-culture* (1969), Os Guinness, *The Dust of Death* (1973), Kenneth Leech, *Youthquake* (1973).

³ *The Making of a Counter-culture* (Anchor Books, Doubleday, 1969), p. 233.

она ищет их не там. Первое, куда они должны были бы обратиться, – это то, что они обычно игнорируют, а именно церковь. Ибо слишком часто они видят в церкви не контркультуру, а конформизм, не новое общество, воплощающее их идеалы, а иной образ старого общества, отвергнутого ими, не жизнь, а смерть. Они с готовностью подтвердят сегодня то, что сказал Иисус о церкви I в.: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Отк. 3:1).

Важно, чтобы мы не только видели, но и понимали всю глубину этой трагедии. Ибо чем больше церковь уподобляется миру, так что обе общности кажутся стороннему наблюдателю лишь двумя образами одной и той же вещи, тем дальше уходит церковь от своей истинной подлинности. Не может быть замечания более обидного для христианина, чем: «Но ты же такой, как все».

Основную тему Библии, которая проходит через все Писание и в которой сосредоточена его суть, можно сформулировать так: историческая цель Бога – призвать народ для Себя; и эти люди должны стать народом *святым*, отличающимся от мира, чтобы принадлежать Ему и слушаться Его; и они должны соответствовать своему предназначению, т. е. быть *святыми* и *непохожими* на других как внешне, так и внутренне.

Вот что заповедовал Бог народу израильскому после того, как освободил его от египетского рабства и сделал Своим особым народом: «Я Господь, Бог ваш. По делам земли Египетской, в которой вы жили, не поступайте, и по делам земли Ханаанской, в которую Я веду вас, не поступайте, и по установлениям их не ходите. Мои законы исполняйте и Мои постановления соблюдайте, поступая по ним. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 18:2–4). Это обращение Бога к народу Своему, следует добавить, начиналось и заканчивалось утверждением, что Он Господь, Бог их. Именно потому, что Он был Богом их завета, а они – Его особым народом, они должны были отличаться от кого бы то ни было. Они должны были соблюдать заповеди Его и не руководствоваться нормами окружающих их народов.

На протяжении последующих веков народ израильский постоянно забывал свою исключительность народа Божьего. Хотя, по словам Валаама, они были «народом, живущим отдельно, и между народами не числящимся», на практике же они продолжали смешиваться с соседними народами: «Но смешались с язычниками, и научились делам их» (Чис. 23:9; Пс. 105:35). Так потребовали они царя, чтобы управлял ими, «как у прочих народов», когда же Самуил возразил им на том основании, что их царь – Бог, они упорствовали в своей настойчивости: «Итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8:5,19,20). Но еще хуже, чем монархия, было их идолопоклонство. «Будем, как язычники... служить дереву и камню» (Иез. 20:32). Бог же посылал к ним пророков Своих, чтобы напомнить о том, кто они, и убедить их последовать пути Его. «Не учитесь путям язычников», – сказал Он через Иеремию, и устами Иезекииля: «Не оскверняйте себя идолами Египетскими: Я – Господь Бог ваш!» (Иер. 10:2; Иез. 20:7). Но народ Божий не послушался Его голоса, и суд Его пал сперва на Израиль, а спустя 150 лет – на Иуду, причина была все та же: «Стали грешить сыны Израилевы пред Господом, Богом своим... и стали поступать по обычаям народов... <... > Иуда также не соблюдал заповедей Господа, Бога своего, и поступал по обычаям Израильян, как поступали они» (4 Цар. 17:7,8,19; ср.: Иез. 5:7; 11:12).

Все это является существенным фоном, который способствует пониманию Нагорной проповеди. Проповедь, судя по тексту Евангелия от Матфея, была произнесена примерно в начале публичного служения Иисуса. Сразу после Своего крещения и искушения в пустыне Он начал провозглашать Благою весть, свидетельствуя, что Царство Божье, обещанное еще в ветхозаветную эпоху, находится ныне на пороге и что Он Сам пришел восстановить его. С этого момента старый век склонился к закату, и закон Божий стал достоянием истории. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», – восклицал Он (Мф. 4:17). Он же «ходил по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия» (Мф. 4:23). Итак, Нагорную проповедь следует видеть в этом контексте. В ней нашли свое отражение покаяние (греч. *metanoia* –

«раскаяние, полное изменение сознания») и праведность, свойственные Царству. То есть здесь описывается, как изменяется человеческая жизнь и человеческое общество, приходящее под благодатный закон Бога.

И какими же они становятся? Иными! Иисус подчеркивал, что Его истинные последователи, граждане Царства Божьего, должны полностью отличаться от всех остальных. Они должны брать пример не с окружающих их людей, а только с Него, и это будет доказательством, что они являются истинными детьми своего Небесного Отца. Для меня ключевым текстом Нагорной проповеди является ст. 6:8: «Не уподобляйтесь им». Это непосредственно напоминает слово Божье к Израилю в давние дни: «По делам [их] не поступайте» (Лев. 18:3). Это тот же призыв к отличию. Именно эта тема и разрабатывается в Нагорной проповеди. Характер Божьих людей должен полностью отличаться от идеала, которым восхищается мир (заповеди блаженства). Они должны сиять, подобно свету среди кромешной тьмы. Праведность их должна превзойти праведность книжников и фарисеев и в этическом плане, и в плане набожности, ибо любовь их должна быть больше, а стремления – благороднее по сравнению с соседями-язычниками.

Нет ни одного параграфа в Нагорной проповеди, в котором бы не было подчеркнуто это различие между христианскими и нехристианскими нормами. Эта тема пронизывает и объединяет всю Проповедь; все остальное – лишь вариации на эту тему. Иногда Иисус противопоставляет Своих последователей язычникам: язычники любят и приветствуют только друзей, христиане же должны любить и своих врагов (5:44–47); язычники молятся, по обычаю, «многословно», христиане же должны молиться в смиренном почтении детей перед своим Отцом Небесным (6:7–13); язычники заняты своими материальными нуждами, христиане же должны искать прежде Царства Божьего и правды Его (6:32,33).

Иной раз Иисус противопоставляет учеников Своих не язычникам, а иудеям, т. е. народу не безбожному, но, напротив, религиозному, в особенности же «книжникам и фарисеям». Профессор Джеремиас, без сомнения, прав, характеризуя их как «две совершенно разные» группы: «Книжники – это учителя-богословы, затратившие годы на образование, фарисеи же не богословы, но скорее группы благочестивых мирян из каждой части общины»⁴.

Конечно же, Иисус противопоставляет христианскую мораль этической казуистике книжников (5:21–48), христианское благочестие – лицемерной набожности фарисеев (6:1–18).

Итак, последователи Иисуса должны быть иными и отличаться как от номинальной церкви, так и от внецерковного мира, как от религиозных, так и от нерелигиозных людей. Нагорная проповедь является наиболее полным новозаветным описанием христианской контркультуры. Здесь показаны и христианская система ценностей, и этический образец, и набожность, отношение к деньгам, цель, жизненный стиль и система взаимоотношений – и все это полностью отличается от нехристианского мира. И эта христианская контркультура является жизнью Царства Божьего, жизнью полностью человеческой, но подчиняющейся божественным законам.

Наконец, посмотрим на слова, которыми Матфей предваряет Проповедь; его введение кратко, но выразительно показывает, какую важность придает этой проповеди евангелист.

Увидев народ, Он вошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзиши уста Свои, учил их (5:1,2).

Несомненно, основной целью Иисуса в данном случае было стремление удалиться от «множества народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана» (4:25), следовавшего за Ним. Ранние месяцы Своего публичного служения провел Он, путешествуя по Галилее, «уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь

---

⁴ Jeremias, p. 23.

и всякую немощь в людях». В результате, «прошел о Нем слух по всей Сирии», и множество людей приносили своих больных, чтобы Он исцелил их (4:23,24). Таким образом, Он должен был избегать их не только с целью уединения и молитвы, но и для того, чтобы наставлять Своих учеников.

Далее, как и предполагали многие древние и современные комментаторы, Он, похоже, сознательно «взошел на гору», чтобы провести параллель между Моисеем, получившим закон на горе Синай, и самим Собой, изъяснившим применение закона ученикам Своим на так называемой «горе Блаженств» – традиционном месте проповеди у северных берегов озера Галилейского. И хотя Иисус больше Моисея, а послание Его – скорее благовестие, нежели закон, Он все же избрал двенадцать апостолов как ядро *нового* Израиля, чтобы уподобить их двенадцати патриархам и коленам *ветхого* Израиля. Он претендовал также на роль Учителя и Господа, авторитетно изъяснял Моисеев закон, давал заповеди и ожидал послушания. Позже Он даже приглашает Своих учеников принять Его «бремя», т. е. подчиниться Его учению, как ранее несли они бремя Торы (Мф. 11:29,30).

Некоторые ученые разработали весьма сложные схемы, чтобы подтвердить эти параллели. Бэкон в 1918 г., например, заявлял, что Матфей намеренно разделил свое Евангелие на пять разделов, каждый из которых завершается формулой «когда же Иисус окончил...» (7:28; 11:1; 13:53; 19:1; 26:1), для того чтобы «пять книг Матфеевых» соответствовали бы «пяти книгам Моисеевым» и таким образом были бы неким новозаветным Пятикнижием⁵.

Иной параллелизм был предложен Остином Фаррером: он считает, что гл. 5–7 были смоделированы по принципу Исх. 20–24, причем восемь заповедей блаженств соотносятся с десятью заповедями, а в остальной же части Проповеди дается толкование и применение их, так же как и заповедям⁶.

Эти любопытные поиски параллелей понятны, так как во многих отрывках из Нового Завета спасительная деятельность Иисуса изображается как новый исход (ср. Мф. 2:15), христианская же жизнь – как радостное празднование его: «...Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать...» (1 Кор. 5:7,8). Однако Матфей не сравнивает совершенно определенно Иисуса с Моисеем, скорее всего, в проповеди «отражена суть Нового Закона, Нового Синая, Нового Моисея», и у нас нет достаточных оснований предполагать нечто большее⁷.

Во всех случаях Иисус *садился*, принимая позу раввина или законодателя, и *ученики Его приближались к Нему*, дабы внимать Его учению. Затем Он, «отверзши уста Свои [выражение, подчеркивающее торжественность Его речи], учил их».

У современного читателя, изучающего Нагорную проповедь, непременно возникают три основных вопроса, и очень трудно принять учение, изложенное в проповеди, если нет удовлетворительных ответов на эти вопросы. Во-первых, действительно ли Нагорная проповедь была произнесена Иисусом? Проповедовал ли Он это на самом деле? Во-вторых, актуально ли ее содержание для современного мира, или оно безнадежно устарело? В-третьих, достижимы ли ее нормы, или мы должны отказаться от них как от идеала, которого невозможно достичь на практике?

---

⁵ Теория Б. У. Бэкона обобщается и критикуется У. Д. Дейвисом, см.: pp. 15–25.

⁶ Теорию Остина Фаррера критикует У. Д. Дейвис, см.: pp. 9–13.

⁷ Davies, p. 108.

1. Подлинна ли Проповедь?

Нагорная проповедь появляется только в первом Евангелии (от Матфея). В третьем Евангелии (от Луки) присутствует похожая проповедь, которую называют иногда «Проповедью на ровном месте» (Лк. 6:17–49). Лука говорит, что она была произнесена «на ровном месте», на которое Иисус «сошел» после того, как он «взошел на гору помолиться» (Лк. 6:12,17). Но кажущаяся разница не должна нас смущать, так как «ровное место» могло быть не равниной или долиной, а горным плато.

При сравнении содержаний двух проповедей сразу же обнаруживается, что они не идентичны. Вариант Луки значительно короче, он состоит лишь из 30 стихов, в то время как у Матфея – из 107, и в каждом есть такой материал, который отсутствует в другом варианте. Тем не менее между ними прослеживается и явное сходство. Обе проповеди начинаются с «блаженств», оканчиваются притчей о двух основаниях, а в середине содержится золотое правило: заповедь любить врагов, о необходимости подставить другую щеку, запрещение осуждать других; а также яркие сравнения: бревно или сучок в глазу, дерево с плодом его. Этот одинаковый материал, с общим началом и окончанием, наводит на мысль, что это два варианта одной и той же проповеди. Как же, однако, они соотносятся? Как объяснить наличие сходств и различий?

Многие считали, что Нагорная проповедь не является «проповедью» в каком-либо значимом смысле, т. е. произнесенной Иисусом по особому случаю. Хорошо известна издательская практика первого евангелиста, Матфея, – собирать в одно место некоторые из взаимосвязанных частей учения Иисуса. Лучшим примером является серия из семи притч Господних (Мф. 13). Некоторые утверждают, что и Мф. 5–7 представляет собой собрание высказываний Иисуса, которому искусно придана форма проповеди самим евангелистом или кем-то из членов раннехристианской общины. Даже Кальвин в это верил: «Намерением обоих евангелистов было свести в одно место главные пункты учения Христа, относящиеся к благочестивой и святой жизни»⁸.

В результате Проповедь, по его мнению, является «конспектом... собранным из многих Его бесед»⁹.

Некоторые комментаторы были более откровенны. Достаточно одного примера. Дейвис называет проповедь «всего лишь собранием несвязанных между собой высказываний различного происхождения – компиляцией», а затем, в качестве доказательств, приводит критику источников, а также жанровую и литургическую критику и заключает: «Таким образом, вся предыдущая критика подтверждает наши сомнения в том, что этот отрывок... представляет собой связанное единство, выведенное из истинного учения Иисуса»¹⁰.

Позже он допускает, что возможен и иной подход, если учесть утверждения так называемой редакционной критики, которая, по крайней мере, считает, что евангелисты сами были реальными авторами, оформившими сохраняемую ими традицию. Тем не менее он по-прежнему скептически относится к тому, что в Нагорной проповеди содержится подлинное учение Иисуса.

Реакция каждого человека на критику такого рода зависит от его основополагающих богословских представлений о самом Боге, о природе и смысле откровения Его в Иисусе Христе, о действии Духа Святого и от уверенности в способности евангелиста передавать истину. Лично мне трудно принять мнение, что содержание Проповеди относится скорее к ранней Церкви, нежели к Иисусу, или считать ее собранием Его изречений, произнесенных по раз-

---

⁸ Calvin, p. 258.

⁹ Ibid., p. 259.

¹⁰ Davies, pp. 1, 5.

личным случаям. Основываюсь я на том, что и Матфей, и Лука представляют свой материал как проповедь Христа и, очевидно, желают, чтобы и у их читателей было подобное же понимание. Оба дают к ней точный исторический и географический контекст: относят ее к раннему периоду служения Иисуса в Галилее и утверждают, что Он произнес ее «на горе» или «на ровном месте» в горах. Матфей отмечает реакцию толпы: изумление после того, как Он окончил, вызванное особенно той властью, с которой Он говорил (7:28,29). И оба говорят, что по окончании он «вошел в Капернаум» (Мф. 8:5; Лк. 7:1).

Это не означает, однако, что оба евангелиста передают *ipsissima verba* – *подлинные слова* всей Проповеди. Ясно, что нет, хотя бы потому, что Иисус говорил по-арамейски, а оба Евангелия дают греческий перевод. Кроме того, как мы уже видели, их версии отличаются одна от другой. Существует несколько объяснений этому. Возможно, оба делают свой перевод, используя или общепринятый источник, или независимые источники, отбирая факты по собственному усмотрению. Похоже, Лука дает более краткое обобщение, многое пропуская, в то время как Матфей фиксирует большую часть, если не почти все. Или же Матфей разрабатывает изначально более короткую проповедь, увеличивая ее добавлением из других контекстов подлинных высказываний Иисуса. В любом случае можно утверждать, что Дух Святой руководил их работой.

Сам я предпочитаю предположение, сделанное профессором А. Б. Брюсом в его комментарии 1897 г. По его мнению, материал, содержащийся у Матфея в гл. 5–7, представляет собой наставление «не одного часа или дня, но целого периода уединения»¹¹.

Он предполагал, что ученики могли быть с Иисусом на горе как бы в «воскресной летней школе». Итак, он ссылается на эти главы не как на «Нагорную проповедь Господа» (выражение, впервые употребленное Августином), но как на «Нагорное учение»¹².

Более того, Проповедь в передаче Матфея продолжалась бы только около десяти минут, так что евангелисты дают нам, вероятно, лишь свои сжатые обобщения.

---

¹¹ Bruce, p. 94.

¹² Ibid., p. 95.

2. Актуальна ли Проповедь сегодня?

Актуальна ли Проповедь в современной жизни? Судить об этом можно лишь после детального рассмотрения ее содержания. Сразу же бросается в глаза, что каким бы образом проповедь ни была составлена, она представляет собой единое целое. В Проповеди показано, какого поведения ожидает Иисус от каждого из Своих учеников – гражданина Царства Божьего. Здесь мы видим, какими должны быть ученики внутренне – в своем сердце, в помыслах и в тайной обители с Отцом своим. Мы видим их также в общественной жизни, во взаимоотношениях с окружающими: они проявляют милосердие, являются миротворцами, их преследуют, они действуют подобно соли, являются светом, любят других, служат им (даже врагам своим) и посвящают себя прежде всего распространению Царства Божьего и правды его в мире.

Краткий анализ проповеди, возможно, поможет показать ее актуальность для нас самих в XX в.

1) Характер христианина (5:3–12)

Заповеди блаженства подчеркивают восемь принципиальных черт христианского характера и поведения, особенно в отношениях с Богом и людьми, и указывают, что тем, кто соответствует этим требованиям, сопутствует божественное благословение.

2) Влияние христианина (5:13–16)

Две метафоры – о соли и свете – показывают доброе влияние, которое будут оказывать христиане на общество, если только они сохраняют характер, отраженный в заповедях блаженства.

3) Праведность христианина (5:17–48)

Каким должно быть отношение христиан к нравственному закону Божьему? Упразднена ли сама категория закона в христианской жизни, как утверждают некоторые защитники «новой нравственности» и школы «не под законом»? Нет. Иисус, как Он Сам сказал, пришел не отменить закон и пророков, а исполнить. Более того, Он утверждал, что величие в Царстве Божьем определяется в соответствии с нравственным учением и что даже войти в Царство невозможно, если праведность Его учеников не превзойдет праведности книжников и фарисеев (5:17–20). Далее Он дает шесть иллюстраций этой великой христианской праведности (5:21–48), где отражены отношения христиан к убийству, прелюбодеянию, разводу, клятве, мести и любви. В каждой антитезе («Вы слышали, что сказано... а Я говорю вам...») Он отвергает традицию книжников, подтверждает заново авторитет Ветхого Завета как части всего Священного Писания и подводит к полному и точному пониманию смысла нравственного закона Бога.

4) Христианское благочестие (6:1–18)

В своем «благочестии», или религиозной набожности, христиане не должны уподобляться ни лицемерию фарисеев, ни формализму язычников. Христианское благочестие должно быть выше всего этого, оно подчеркивает истинность, искренность чад Божьих, живущих в присутствии своего Небесного Отца.

5) *Цель христианина (6:19–34)*

Мирское – то, что христианину следует избегать, – может принять религиозную или светскую форму. Итак, нам надо отличаться от нехристиан не только нашей набожностью, но и нашими целями. В особенности же Христос изменяет наше отношение к материальному богатству и собственности. Невозможно служить одновременно Богу и маммоне; между ними надо выбирать. Люди мирские заняты поиском пищи, питья и одежды. Христиане должны быть свободны от этих эгоистических материальных забот и вместо того посвятить себя распространению Божьего закона и правды Божьей. То есть нашей высшей целью должна быть слава Божья, а не наша собственная слава или наше материальное благополучие. Это то, что мы должны искать прежде всего.

6) *Христианские взаимоотношения (7:1–20)*

Христиане находятся в сложной системе отношений, которые определяются тем, как мы относимся к Христу. Если у нас установлены верные отношения с Ним, то влиянию подвергаются и все остальные наши связи. Возникают новые взаимоотношения; старые же изменяются. Таким образом, мы должны не осуждать брата нашего, а служить ему (7:1–5). Мы не должны благовествовать тем, кто сознательно отвергает Евангелие (7:6), наша обязанность – молиться Небесному Отцу (7:7–12) и остерегаться ложных пророков, препятствующих людям ходить тесными вратами и узким путем (7:13–20).

7) *Обязанность христианина (7:21–27)*

Конечная цель, определяемая всей Проповедью, касается авторитета Проповедника. Недостаточно звать его «Господом» (7:21–23) или внимать Его учению (7:24–27). Главное – говорить то, что мы *думаем*, и *исполнять* то, что слышим. От этого зависит наша участь в вечности. Мудр лишь тот, кто послушен Христу как Господу. Ибо лишь он строит дом свой на основании каменном, дом, который не могут разрушить ни несчастья, ни наказания.

Толпы народа поражались власти, с которой Иисус учил (7:28,29). Этому авторитету должны подчиняться последователи Иисуса в каждом поколении. Вопрос о власти Христа так же актуален сегодня, как и в те времена, когда Он произнес Свою Нагорную проповедь.

3. Применима ли Проповедь на практике?

Этот третий вопрос задаст прагматик. Одно дело – быть уверенным в теоретической актуальности Проповеди, совсем иное – убежденность в ее действенности на практике. Или мы обречены лишь на то, чтобы издали восхищаться ею?

Большинство читателей и комментаторов, наблюдая человеческую извращенность, объявили недостижимыми требования Нагорной проповеди. Идеалы ее благородны, но непрacticны, как считают они, притягательны, но невыполнимы. Они знают о человеческом эгоизме – как же может быть человек кротким? Они знакомы с его неудержимым половым влечением – как же ему избежать похотливых взглядов и мыслей? Им известна его погруженность в мирские заботы – разве может он перестать заботиться? Известна его склонность к гневу и жажда мести – как ожидать от него любви к врагам? Более того, не опасно ли требование «обратить другую щеку» к убийце для нравственного здоровья общества? Да и выполнимо ли оно конкретно? Ведь таким образом разрешается дальнейшее насилие, зло не только остается ненаказанным, но и продолжает активно действовать. Нет. Нагорная проповедь не имеет практической ценности ни для отдельной личности, ни для общества, по их мнению. В лучшем случае, она отражает непрacticный идеализм мечтателя. Это мечта, которая никогда не будет воплощена в жизнь.

Модификация этого взгляда, впервые высказанного в 1892 г. Иоганном Вайсом и позже популяризованного Альбертом Швейцером, заключается в том, что Иисус предъявлял исключительные требования к исключительным ситуациям. Так как они верили, что Иисус ожидал конца истории, чтобы почти незамедлительно явиться вновь, то утверждали, что Он давал ученикам Своим «временную этику», требующую от них жертв: оставить свое имущество, любить врагов и т. д. – т. е. жертв, необходимых лишь в кризисный момент. В этом случае Нагорная проповедь становится как бы «законом военного положения»¹³, который может быть оправдан лишь исключительностью ситуации и который, конечно же, не является каждодневной нормой.

Было много и других попыток приспособить Нагорную проповедь к нашему низкому моральному уровню. В гл. 4 и 5 своей книги «Понимание Нагорной проповеди» Харви Макартур сначала рассматривает, потом оценивает не менее двенадцати различных способов интерпретирования Проповеди¹⁴.

Он говорит, что мог бы вынести в подзаголовок такие слова: «Версии и увертки толкователей Нагорной проповеди», так как все истолкования, кроме одного из двенадцати, рассматривают ее абсолютные требования с точки зрения благоразумия.

На противоположном полюсе находятся легкомысленные люди, бойко утверждающие, что Нагорная проповедь выражает этические нормы, истинные (что, по их мнению, очевидно), общие для всех религий и легко выполнимые. «Я живу по Нагорной проповеди», – говорят они. Наиболее милосердной реакцией по отношению к таким людям будет допущение, что они никогда не читали Проповеди, о которой судят так поверхностно. Совершенно по-иному относился к Проповеди Лев Толстой (хотя и он верил, что требования Проповеди могут быть воплощены в жизнь). По его собственному утверждению, он сам потерпел величайшую неудачу, но все же сохранил веру в то, что заповеди Иисуса можно применять на практике. Это свое убеждение он вложил в уста князя Нехлюдова, героя своего последнего великого романа «Воскресение», опубликованного в 1899–1900 гг.

Некоторые считают, что в своем герое Толстой изобразил самого себя, хотя для подобного вывода нет достаточных оснований. В конце романа Нехлюдов перечитывает Евангелие

---

¹³ Jeremias, p. 14.

¹⁴ McArthur, pp. 105–148.

от Матфея. Он увидел в Нагорной проповеди «не отвлеченные, прекрасные мысли и большею частью предъявляющие преувеличенные и неисполнимые требования, а простые, ясные и практически исполнимые заповеди, которые, в случае исполнения их (что было вполне возможно), устанавливали совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожалось все то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо – царство Божие на земле».

«Нехлюдов устался на свет горевшей лампы и замер. Вспомнив все безобразие нашей жизни, он ясно представил себе, чем могла бы быть эта жизнь, если бы люди воспитывались на этих правилах, и давно не испытанный восторг охватил его душу. Точно он после долгого томления и страдания нашел вдруг успокоение и свободу.

Он не спал всю ночь и, как это случается со многими и многими, читающими Евангелие, в первый раз, читая, понимал во всем их значении слова, много раз читанные и незамеченные. Как губка воду, он впитывал в себя то нужное, важное и радостное, что открывалось ему в этой книге. И все, что он читал, казалось ему знакомо, казалось, подтверждало, приводило в сознание то, что он знал уже давно, прежде, но не сознавал вполне и не верил. Теперь же он сознавал и верил.

„...Ищите Царства Божия и правды его, а остальное приложится вам. А мы ищем остального и, очевидно, не находим его.

Так вот оно, дело моей жизни. Только кончилось одно, началось другое“.

С этой ночи началась для Нехлюдова совсем новая жизнь не столько потому, что он вступил в новые условия жизни, а потому, что все, что случилось с ним с этих пор, получало для него совсем иное, чем прежде, значение. Чем кончится этот новый период его жизни, покажет будущее».

Толстой воплотил в себе несоответствие идеала и реальности. Ибо, с одной стороны, он был убежден, что выполнять требования Нагорной проповеди «вполне возможно», с другой же стороны, его собственное поведение говорило ему, что это невозможно. На самом же деле истина находится посередине. Ибо стандарты Проповеди не доступны всем и каждому, с одной стороны, но и не являются недоступными никому, с другой. Ставить их выше возможностей кого-либо было бы игнорированием цели проповеди Христа; сделать их доступными каждому – значит игнорировать реальность человеческого греха. Они, конечно, выполнимы, но лишь теми, кто испытал новое рождение, что, как сказал Иисус Никодиму, является неперемнным условием для того, чтобы человек смог увидеть Царство Божье и войти в него. Ибо праведность, описанная Им в Проповеди, – это внутренняя правда. Хотя она и проявляется в словах, делах и отношениях, она все же остается, по существу, праведностью сердца. Имеют значение в действительности лишь помыслы сердечные и то, к чему человек привязывается сердцем своим (ср.: Мф. 5:28; 6:21). Проблема заключена также и в этом. Ибо люди по своей природе «злы» (Мф. 7:11). Именно из их сердца исходит зло (ср.: Мк. 7:21–23) и из сердца рождаются слова, по которым можно определить сущность человека, подобно тому, как дерево определяется по своим плодам. Нет иного решения, кроме как «признать дерево хорошим и плод его хорошим» (Мф. 7:16–20; 12:33–37). Следовательно, новое рождение составляет сущность христианской жизни.

Лишь вера в необходимость и возможность нового рождения способна удержать нас от прочтения Нагорной проповеди как с глупым оптимизмом, так и с безнадежным отчаянием. Иисус проповедовал тем, кто уже был Его учениками, т. е. гражданам Царства Божьего и детям Божьей семьи (5:16,48; 6:9,32,33; 7:11). Высокие нормы, Им поставленные, предназначены лишь для подобных. Мы не занимаем (да и не могли бы занять) этого привилегированного положения, усвоив нормы Христа. Достигая же их или, по крайней мере, приближаясь к ним, мы свидетельствуем о том, кем мы уже являемся по свободной благодати Божьей и дару Его.

Мф. 5:3–12

Христианский характер: заповеди блаженства

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. 4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся. 5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. 6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. 7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. 8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. 9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. 10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. 11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; 12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Каждый, кто когда-либо слышал об Иисусе из Назарета и знает что-либо из Его учения, наверняка знаком с заповедями блаженства, которыми начинается Нагорная проповедь. Их простой слог и глубина мысли привлекали христиан каждого нового поколения, и не только христиан. Чем больше мы исследуем их значение, тем больше обнаруживается неизученного. Их богатство неисчерпаемо. Мы не можем измерить глубину их. Воистину, «мы находимся здесь близ небес»¹.

Прежде чем мы будем готовы рассмотреть каждое блаженство по отдельности, необходимо обратить наше внимание на три общих момента. Это касается людей, описанных в Проповеди, превозносимых качеств и обетованных блаженств.

1) Люди, описанные в Проповеди

В заповедях блаженства показан взвешенный и разнообразный характер христианина. Это не восемь отдельных и различных групп учеников, некоторые из которых кротки, иные – милосердны, другие же должны претерпеть гонения. Это, скорее, восемь качеств, которые присущи людям одной группы; эти люди одновременно и кротки, и милосердны, нищи духом и чисты сердцем, они плачут и алчут, являются миротворцами и гонимы.

Далее, группа, обладающая этими качествами, не является элитой, маленькой духовной аристократией, отделенной от остальных христиан. Наоборот, заповеди блаженства – характеристика, данная христианам Самим Христом, здесь показано, каким должен быть каждый из них. Все эти качества должны быть присущи всем Его последователям. Подобно тому, как девятикратный плод Духа, на который указывает Павел, должен зреть в характере каждого христианина, так и восемь блаженств, произнесенных Христом, описывают Его идеал для каждого гражданина Божьего Царства. В отличие от даров Духа, которые Он дает различным членам Тела Христа, посылая их на различные служения, тот же Дух заинтересован в проявлении во всех нас всех этих христианских благодатей. И мы должны принять их все, у нас нет другого выхода.

2) Прославляемые качества

Хорошо известно, что существует, по крайней мере, словесное расхождение между заповедями блаженства у Матфея и у Луки. Так, Лука пишет: «Блаженны вы, нищие», Матфей же – «Блаженны нищие духом». У Луки: «Блаженны алчущие ныне», у Матфея: «Блаженны алчущие и жаждущие правды».

В результате некоторые считали подлинной версию Луки; они утверждали, что Иисус рассуждал о бедных и голодных, что Он обещал недоедающим пищу, а пролетариату – богатства в Царстве Божьем и что Матфей одухотворяет исконные, вполне материальные обещания.

Но такое толкование невозможно, если только мы не думаем, что Иисус противоречил Самому Себе или что евангелисты были достаточно бестолковы, представляя Его таковым. Ибо во время искушений в пустыне Иудейской, как повествует Матфей в предыдущей главе, Иисус отказывается обратить в хлеба камни и отвергает мысль об утверждении материального царства. Во время всего Своего служения Он отклоняет те же искушения. Когда же после насыщения пяти тысяч толпа пытается «придти, нечаянно взять Его и сделать царем», Иисус немедленно удаляется в горы один (Ин. 6:15). И когда Пилат спрашивает Его, не было ли каких-либо оснований для обвинений, выдвинутых против Него иудейскими вождями, и имел ли Он в действительности некие политические расчеты, ответ Его недвусмыслен: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36). То есть у Него иной источник и, таким образом, иной характер.

Говорить об этом не значит утверждать, что Иисус был равнодушен к бедным и голодным. Наоборот, Он сострадал нуждающимся и кормил голодных, и ученикам Своим Он заповедовал поступать так же. И все же блаженство Царства Его заключалось, в первую очередь, не в экономическом процветании.

Далее, хотя Он и не давал немедленного физического облегчения, а также не обещал этого в грядущих небесах, Он называл нищих и алчущих «блаженными». Несомненно, в некоторых обстоятельствах Бог может использовать бедность как средство, ведущее к духовному блаженству, так же как и богатство может быть препятствием на пути к нему. Но это не делает нищету саму по себе возжеланным состоянием, благословляемым Иисусом. Церковь всегда ошибалась, используя первую заповедь блаженства как для оправдания нищеты масс, так и для восхваления добровольной бедности монахов или других принявших обет отказа от имущества. Возможно, Христос и призывает некоторых к жизни в нищете, но Его зов не может быть услышан только лишь из этой заповеди.

Нет. Нищета и голод, называемые Иисусом в этой заповеди, относятся к духовному состоянию. Он называет блаженными именно «нищих *духом*» и «алчущих и жаждущих правды». Отсюда правомерно вывести, что и другие упоминаемые Им качества также духовны. Верно то, что арамейское слово, используемое Иисусом, могло означать просто «бедных» («нищих»), как в варианте Луки. Но так как «бедняки», нищие Божьи, были вполне определенной группой в Ветхом Завете, Матфей точно переводит «нищие духом». Ибо «нищие» – это не столько прибитые бедностью, сколько благочестивые, которые возложили упование свое и надежду на Бога – частично из-за своей нужды, угнетенности, подавленности или какой-либо ущемленности.

3) Обетованные блаженства

Эти качества превозносятся настолько, что все, в ком они проявляются, называются «блаженными». Греческое слово *makarios* может означать, и означает, «счастливый». Так, издание JBP переводит слова, открывающие каждую заповедь, так: «Как счастливы те...» И некоторые комментаторы объясняли их как предполагаемые Иисусом условия человеческого счастья. Наиболее откровенная из известных мне попыток сделана Эрнестом Лайгоном в его книге «Психология христианской личности»¹⁵. Воздавая должное Гарри Эмерсону Фосдику, он старается истолковать Нагорную проповедь «с точки зрения умственного здоровья» (р. vii). «Наиболее значительной ошибкой, совершаемой людьми, интерпретирующими эти высказывания Иисуса (т. е. блаженства), – пишет он, – является их невнимание к первым словам каждой

---

¹⁵ Macmillan, 1935; paperback, 1961.

заповеди: *счастливы*»¹⁶. На его взгляд, они образуют «теорию счастья Иисуса»¹⁷. Это не этические обязанности, а «серия из восьми основополагающих эмоциональных отношений. Если человек реагирует на свою среду так, как предписано в „блаженствах“, его жизнь будет счастливой», ибо он откроет для себя основную «формулу умственного здоровья»¹⁸. В особенности, как утверждает доктор Лайгон, Проповедь подчеркивает «силу» веры и любви – «экспериментальной веры» и «отеческой любви». Эти две основы незаменимы для развития «сильных и здоровых личностей»¹⁹. И не только хаос страха преодолевается верой, а деструктивный гнев – любовью, но также от «комплекса неполноценности со многими сопутствующими ему явлениями» можно избавиться с помощью золотого правила²⁰.

Нет необходимости отвергать это толкование как полностью ложное. Ибо никто не знает лучше нашего Создателя, как мы можем проявить себя истинно человеческими существами. Он нас создал. Ему известно, как нам лучше всего функционировать. Мы находим себя и совершенствуемся, следуя Его нравственным законам. Все же христиане не могут засвидетельствовать, исходя из своего опыта, о существовании близкой связи между святостью и счастьем.

И тем не менее было бы серьезным заблуждением передавать слово *makarios* как «счастливый». Ибо счастье – это субъективное состояние, Иисус же выносит об этих людях объективное суждение. Он заявляет не то, что они могут чувствовать («счастье»), но что о них думает Бог и каковы они в этом смысле: они «блаженны».

Что это за блаженство? Вторая половина каждой заповеди проясняет это. Блаженные обладают Царством Небесным и наследуют землю. Плачущие утешаются и алчущие насыщаются. Они получают милость, видят Бога, называются сынами Божиими. Велико их небесное вознаграждение. И все эти благословения едины. Так же как восемь качеств описывают каждого христианина (по крайней мере в идеале), так и восемь благословений даются каждому христианину. Верно, что особое благословение, обетованное в каждом конкретном случае, соответствует особо упоминаемому качеству. В то же время, определенно невозможно наследовать Царство Небесное, не наследуя землю, утешиться, не насытившись, или видеть Бога, не получив Его милости и не назвавшись детьми Его. Восемь качеств в комплексе образуют ответственность, а восемь благословений – привилегии граждан Царства Божьего. Именно это имеется в виду, когда речь идет об обладании законом Бога.

К настоящему или будущему относятся эти благословения? Я лично думаю, что единственно верным ответом будет – «к обоим». Некоторые комментаторы, однако, настаивают на том, что благословения устремлены в будущее, и подчеркивают «эсхатологическую» природу заповедей блаженства. Вторая часть последней заповеди определенно обещает преследуемым великую награду на небесах, и это будет в будущем (ст. 11). Также ясно, что только в первой и восьмой заповедях блаженства благословение выражается в настоящем времени, «их есть Царство Небесное» (ст. 3, 10); и даже в этом случае глагол, вероятно, отсутствовал в арамейском языке, на котором говорил Иисус. Другие шесть заповедей содержат глагол в простом будущем времени (напр.: «утешатся», «насытятся» и т. д.). И тем не менее из остального учения Иисуса ясно, что Царство Божье – это реальность настоящего, которую мы можем получить, наследовать или вступить в нее ныне. Подобным образом, мы можем получить милость и утешение теперь же, можем сейчас же стать детьми Божиими и еще в этой жизни сможем насытиться и утолить жажду. Иисус обещал Своим последователям исполнение этих блаженств здесь и теперь. Обетование «узреть Бога» может звучать напоминанием об окончательном «блажен-

¹⁶ Ibid., p. 89.

¹⁷ Ibid., p. 24.

¹⁸ Ibid., pp. 27, 91.

¹⁹ Ibid., p. 18.

²⁰ Macmillan, 1935; paperback, 1961, pp. 332 f.

ном видении» (ср.: 1 Кор. 13:12; Евр. 12:14; 1 Ин. 3:2; Отк. 22:4) и, несомненно, включает в себя это. Но мы уже начинаем видеть Бога в этой жизни, в лице Христа Его (Ин. 14:9), и духовным взором (1 Ин. 3:6; 3 Ин. 11). Мы даже начинаем «наследовать землю» в этой жизни, ибо, поскольку мы Христовы, все уже принадлежит нам: «мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее» (1 Кор. 3:22,23).

Итак, обетования Иисуса в заповедях блаженства могут быть исполнены как в настоящем, так и в будущем. Начатки плодов мы пожинаем сейчас; полный урожай еще явится. И, как верно отмечает профессор Таскер, «будущее время... подчеркивает их определенность, а не только будущность. Плачущие, *конечно же*, будут утешены и т. д.»²¹.

Это подводит нас к следующему вопросу о «блаженствах», обетованных Иисусом. Этой проблемы нам не избежать. Создается впечатление, что учение заповедей противоречит учению всего Евангелия, так как здесь говорится о спасении с помощью добрых дел, о заслугах самого человека. Не утверждает ли Иисус, например, что милостивые будут помилованы, а чистые сердцем узрят Бога? Не означает ли это, что, выказывая милость, мы сами получаем милость, а стяжанием чистоты сердечной достигаем видения Бога?

---

²¹ Tasker, p. 61.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.